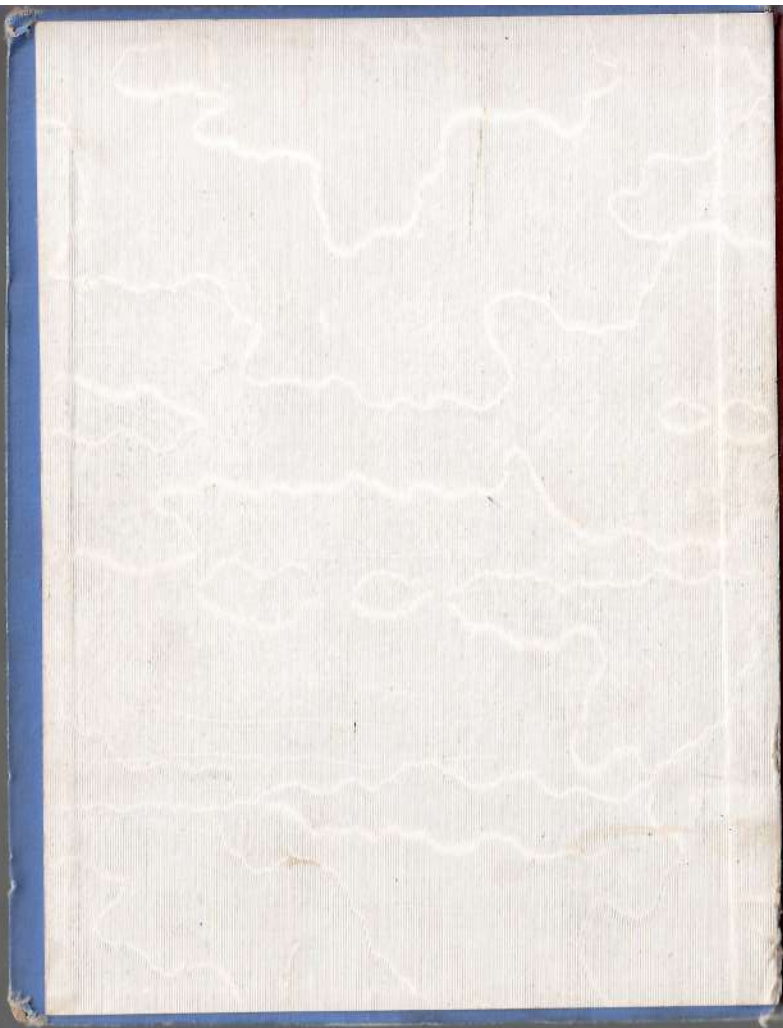

Е. Тенсовъ
ТОММИ
КОРОЛЬ ВОЗДУХА

авторскій
Э. К. С.

Е. ТЕНСОНЪ

ТОММИ
КОРОЛЬ
ВОЗДУХА

МОСКВА
ИЗДАНИЕ
В. А. СУСЛИНА

ВЪ КОНТОРЪ ИЗДАТЕЛЯ КНИГОПРОДАВЦА А.А. СТУПИНА ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

(Москва, Никольская улица, рядомъ съ Ремеслен. Управой. На пересылку присылать 20 к. на каждый рубль. Деньги можно присылать марками).

БЫЛЬ И СКАЗКА ПОПОЛАМЪ.

В. Страговъ.

Рисунки В. В. Спасскаго.

Цѣна 30 коп., въ папкѣ—40 коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Всевидающее око.—Хромоножка.—Какъ дѣдъ съ лѣшимъ ругался.—Глупая ворона.

СОБАКА-ГЕРОЙ НА ВОЙНѢ.

Очерки А. А. Федорова-Давыдова. Съ рисунками. Обложка В. В. Спасскаго.

Цѣна 30 коп., въ папкѣ—40 коп.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

Глава первая. Собаки-воители.

Глава вторая. Собаки форпостныя, лазутчики и курьеры.

Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. книжка допущена въ учеб. библи. назн. учебн. заведеній. Глав. Управ. военно-учебн. завед. книжка рекомендована для чтен. кадет. I и II клас.

ДОПУЩЕНО Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учебн. библи. назн. учебн. заведеній.

ТОММИ-КОРОЛЬ ВОЗДУХА.
ЗАПИСКИ СОБАЧКИ БОБИ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ Е. ТЕНСОНЪ.

ДОПУЩЕНО Уч. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учебн. библи. назн. учебн. заведеній.

Типо-литография
ПЕЧАТНИКЪ

1913 г.

Сосновка, Хатилевская ул. 25
Шельфонъ № 24-27, 42-36.

Зовутъ меня Боби, мнѣ одинъ годъ, также какъ и моей сестрицѣ Жужу. Мы изъ породистой собачьей семьи пуделей, — наша мать получила первый призъ за красоту, а такъ какъ говорятъ, что мы очень похожи на нее, то, навѣрное, и мы красивыя со-

бачки, что намъ и не разъ приходилось слышать отъ людей. Живемъ мы въ богатомъ большомъ домѣ и принадлежимъ маленькой княжнѣ Лили, которая насъ любить и балуетъ. Спимъ мы въ плетеной корзинѣ, на мягкомъ красномъ тюфячкѣ, въ темной комнатѣ.

Сегодня въ нашемъ домѣ торжество: празднуютъ день рожденья княжны Лили, сегодня ей семь лѣтъ. Рано насъ разбудила мама и стала готовить къ празднику. Сначала облизала намъ мордочки и лапками расправила локоны, затѣмъ прочла намъ наставленіе, какъ себя держать: во-первыхъ, не вбѣгать съ громкимъ лаемъ въ столовую, не кусать за ноги, не хватать за юбки, а главное, не стащить чего-нибудь со стола, потому что такъ могутъ поступать только собачки безъ всякаго образованія и воспитанія.

Мы общались все помнить и держать себя вполнѣ прилично, и стали ждать, когда насъ позовутъ въ столовую.

Наконецъ послышались шаги по коридору, и старая няня Лили позвала насъ. Мы, помня наставленіе нашей мамы, чинно поднялись по лѣстницѣ за няней въ столовую. Не мало намъ стоило силъ, чтобы сдержать себя и не броситься съ громкимъ лаемъ къ нашей любимицѣ. Такъ и хотѣлось схватить ее за край юбки и покружиться съ ней по всей комнатѣ; но мы помнили, что мы благовоспитанныя собачки.

Въ столовой мы увидѣли княжну, нарядной и веселой; она насъ ждала. У нея въ рукахъ были красивыя ленты: одну розовую она повязала Жужу, другую желтую мнѣ, а няня намъ налила три чашечки съ молокомъ. По-

кормивъ, насъ пустили въ садъ погулять. Вотъ тутъ-то ужъ мы могли побѣгать и порѣзвиться. Когда насъ позвали домой, собралось уже много гостей, и насъ повели показывать. Много мы слышали похвалъ, всѣ насъ гладили и играли съ нами. Жужу, которая очень гордилась своимъ большимъ розовымъ бантомъ, на всѣхъ косилась и такъ гордо держала свою мордочку и высоко — хвостикъ, такъ важно расхаживала по комнатѣ, какъ будто бы она была виновницей сегодняшняго торжества. Всѣ были веселы, всѣ смѣялись, и у меня сильно билось сердечко отъ радости, вѣдь, я такъ нѣжно любила нашу Лили, она была всегда добра и ласкова съ нами.

— Лили, милая Лили, которую собачку ты мнѣ подаришь? помнишь, ты мнѣ обѣщала, и твоя мама позволила;

мнѣ бы хотѣлось вотъ эту съ желтымъ бантомъ...

Все закружилось у меня въ глазахъ, а въ головѣ одна мысль: неужели меня отдадутъ чужимъ людямъ, неужели меня хотятъ отнять отъ моей мамы и сестрички Жужу? Нѣтъ, нѣтъ, не хочу, не можетъ этого быть! И я посмотрѣла умоляющими глазами на княжну Лили, надѣясь, что она пойметъ мое горе. Вѣдь, люди умнѣ насъ, они все понимаютъ, навѣрно, она увидитъ, что дѣлается въ моемъ маленькомъ сердцѣ, какъ больно оно сжимается отъ тоски и страха. У меня на глазахъ навернулись слезы, и если бы я былъ человекомъ, то, громко заплакалъ бы. Но, къ несчастью, мы, собачки, не можемъ плакать, — мы должны молча страдать... Однако, княжна не поняла

меня; она обняла свою подругу и радостно сказала:

— Да, да, возьми Боби, онъ такой красивый и умный, я рада, что онъ и тебѣ нравится; хотя мнѣ и жалко его, но у меня еще двѣ собачки останутся.

И вотъ судьба моя рѣшена.

~~~~~

Привезли меня къ моей новой хозяйкѣ Неддѣ, грустно было у меня на душѣ. Хотя маленькая Недда и старалась меня приласкать, но меня не взлюбила ея няня, строгая и сердитая старуха, она все ворчала и сердилась, что меня привезли. Вообще, съ минуты появленія моего въ этомъ страшномъ домѣ, меня преслѣдовали однѣ

неприятности. Когда меня ввели въ дѣтскую, я забился подъ диванъ и боялся выйти. Тогда няня стала меня вытаскивать за лапку, но такъ крѣпко сжала ее, что я завизжалъ и укусилъ ее. Она разсердилась, схватила зонтикъ, который тамъ лежалъ, и хотѣла меня ударить. Я бросился со всѣхъ ногъ къ Неддѣ, она нагнулась, чтобы меня погладить и успокоить, но я такъ стремительно кинулся къ ней, что спшибъ ее съ ногъ, и она упала, разбивъ себѣ носъ. Тутъ поднялся крикъ и плачь, всѣ бросились къ Неддѣ, а няня замахнулась на меня и закричала:

— Вотъ на несчастье эту дрянную собачонку привезли, погоди, я тебѣ задамъ!

Я бросился бѣжать по комнатамъ и коридорамъ, думая, что меня

преслѣдуетъ няня, пока не попадѣ въ маленькую темную комнатку. Забившись за сундукъ, я весь съежился и дрожалъ отъ страха. Но прошло довольно много времени, и все было тихо; тогда я сталъ дремать отъ усталости и уснулъ.

Фрѣ, фрѣ,—раздалось у меня надъ ухомъ, я въ испугѣ открылъ глаза и увидѣлъ страшное чудовище съ блестящими глазами. Въ ужасѣ я завизжалъ, но въ этотъ мигъ я почувствовалъ, что чудовище крѣпко вцѣпилось въ мою спину. Отъ боли и страха я опять бросился бѣжать и, визжа что есть силы, неся все впередъ со страшнымъ чудовищемъ на спинѣ.

Чудовище все сильнѣе запускало свои когти въ мою спину. Я метался по комнатамъ, роняя стулья и столики съ вазами и бездѣлушками. На шумъ

сбѣжалась домашняя прислуга; няня и англичанка кричали что-то.

Тутъ кто-то бросился на меня со щеткой и ударилъ по спинѣ, чудовище завизжало и отпустило меня, англичанка бросилась къ нему; цѣлуя и лаская, взя-

ла его на руки, говоря: «my cat» (мой котикъ).

Шумъ, крикъ. Изъ дѣтской несется плачь, и раздается сердитый голосъ:

— Вонъ ее, противную, это все она надѣлала, дѣтей на смерть перепугала. Недочка и такъ весь вечеръ пролежала съ компрессомъ отъ ушиба, а теперь такъ вся и побѣлѣла съ испуга, вонъ ее, вонъ!

Ахъ, къ мамѣ бы меня возвратили, къ милой Лили, пронеслось у меня въ головѣ, и, при этой мысли, я забылъ даже про боль и радостно завизжалъ.

— Смотрите, какая надоѣдливая собачонка! покоя не даетъ, надо ее на кухню, внизъ, а то она опять всѣхъ переполошитъ.

И меня потащили куда-то внизъ, втокнули въ холодный чуланъ и заперли. Всю ночь я не спалъ и дрожалъ

отъ холода, а на утро взошла горничная и выпустила меня во дворъ. Когда я очутился на свободѣ, у меня тотчасъ же мелькнула мысль убѣжать, тѣмъ болѣе, что ворота были открыты. Я потихоньку подкрался къ нимъ и, что есть духу, бросился бѣжать, самъ не сознавая куда, но только бы прочь изъ этого дома, гдѣ я такъ много выстрадалъ. Вѣдь, хуже не можетъ быть, да притомъ я надѣялся найти мою Лили, это мнѣ придавало силы, и я мчался все впередъ и впередъ.

Когда я уже окончательно выбился изъ силъ, то остановился и оглянулся; за мной никто не гнался, я успокоился и даже сълъ отдохнуть. Кругомъ шли и ѣхали чужіе люди, и я напрасно старался увидѣть хоть одно мнѣ знакомое лицо. Отдохнувъ немного, я пошелъ дальше, но тутъ я почувствовалъ,

какъ болѣла моя спинка, да и голодъ давалъ себя знать. Я, вѣдь, съ тѣхъ поръ, какъ меня увезли отъ моей мамы и сестрички, еще ничего не ѣлъ. Но я шелъ все впередъ, на что-то надѣясь. Нѣсколько разъ за мной бросались мальчишки, но я, однако, сумѣлъ ускользнуть отъ нихъ.

Цѣлый день я промучился, ища домъ, гдѣ я жилъ, но все напрасно. А между тѣмъ наступила ночь, шелъ дождь, я весь продрогъ и еле-еле плелся; наконецъ, совсѣмъ выбившись изъ силъ, я присѣлъ у одного дома, ноги мои больше не повиновались.

Тутъ я почувствовалъ весь ужасъ моего положенія. Я былъ совсѣмъ одинъ, и никому до меня не было дѣла. Грустный сидѣлъ я съ поникшей головой, когда ко мнѣ подбѣжала бѣленькая дворняжка и, обнюхивая, стала

спрашивать, отчего я такой грустный? Въ другое время я не сталъ бы разговаривать съ простой дворняжкой, но тутъ я себя почувствовалъ такимъ одинокимъ, что былъ радъ и дворняжкѣ. Я ей сказалъ, что заблудился и не могу дальше итти, такъ какъ я усталъ и голоденъ. Въ это время къ намъ подошелъ мальчикъ въ синей курточкѣ и позвалъ мою новую знакомую.

— Флирти, пойдемъ, — сказалъ онъ, — пора домой, — но взглянувъ на меня, подошелъ ближе и погладилъ. Я такъ радъ былъ ласкѣ, что лизнулъ ему руку. Онъ хлопалъ меня по спинѣ и сказалъ:

— Какой красивый пудель!

Я пошелъ за нимъ, тѣмъ болѣе, что Флирти мнѣ предложилъ переночевать у нихъ. Я былъ радъ такому исходу: отдохну, подумалъ я, меня покормятъ,

Томми — король воздуха.

в.с.

Ко мнѣ подбѣжала
блѣдная дворняжка.

а завтра, можетъ быть, мнѣ посчастливится найти своихъ. Итти пришлось недолго. Когда мы подходили къ большому бѣлому дому, мальчикъ оглянулся и, увидя меня, засмѣялся.

— А, да ты, навѣрное, бродяжка, ну что жъ, пойдѣмъ къ намъ, тебѣ у насъ дѣло найдется.

Мы вошли въ сѣни, поднялись на третій этажъ, мальчикъ постучалъ, и намъ открылъ дверь пожилой мужчина.

то это? кого ты привелъ? откуда? —раздались вопросы. Мальчикъ разсказалъ все, какъ было.

— Ну что жъ, собака молодая, красивая, можно будетъ заняться ею, должно быть, понятливая, ишь какъ смотреть, какъ будто сказать что хочетъ.

Ахъ, сколько я могъ бы разсказать, если бъ только люди понимали нашъ

собачій языкъ! Но они понимаютъ только тогда, когда мы ласкаемся къ нимъ или враждебно на нихъ косимся. Между тѣмъ Флирти уже тащилъ меня въ другую комнату, гдѣ стояло нѣсколько пустыхъ плошекъ. Флирти сталъ облизывать ихъ и лаять, тогда вошла дѣвушка и, взглянувъ на насъ, сказала:

— Ну, что ласешь, пить что ль хочешь?

Тутъ Флирти сталъ на заднія лапки и запрыгалъ передъ ней, она поняла его и налила воды. Хотя я и не ѣлъ цѣлый день, но и водѣ былъ радъ и съ жадностью сталъ пить, но Флирти продолжалъ все прыгать на заднихъ лапкахъ и высоко поднималъ переднія, тогда дѣвушка подошла къ шкапу, вынула и бросила намъ кусокъ хлѣба, который я съ удовольствіемъ съѣлъ.

Когда я немного подкрѣпился, то сталъ осматривать мое новое помѣщеніе. Это была большая комната, вся увѣшанная какими-то пестрыми юбочками и шляпками; въ углу валялись разныя большія кольца, прыгалки, шары, обручи, здѣсь же висѣло нѣсколько хлыстовъ и арапниковъ, на полу у одной стѣны лежалъ старый сложенный коврикъ, куда сейчасъ же забрался Флирти и, позвавъ меня, улегся спать.

Я повертѣлся на коврикѣ, обнюхалъ его, и невольно вспомнилъ Лили и мягенькую чистую постельку, но, видя, что Флирти уже спитъ, я побоялся разбудить его, тѣмъ болѣе, что я былъ пораженъ его образованіемъ, и невольно почувствовалъ къ нему уваженіе. Вотъ вамъ и простая дворняжка, а какимъ премудростямъ она

обучена! Я улегся рядомъ съ нимъ, и какъ убитый уснулъ.

Проснулся я отъ громкаго лая. Нѣсколько собакъ разной величины находилось въ комнатѣ, нѣкоторыя были въ закрытыхъ корзинкахъ, одна на веревкѣ, которая была прикрѣплена къ стѣнѣ, а остальные бѣгали по комнатѣ и съ удивленіемъ разсматривали меня.

— Новенькая, новенькая! — кричали онѣ и подходили со мной знакомиться.

— Да, вѣдь, это пудель, и какой красивый, — заявилъ маленькій граціозный фоксъ-терьеръ, — теперь у насъ ихъ два будетъ, старый и новый.

Въ это время подошелъ ко мнѣ большой черный пудель, оглядѣлъ меня, обнюхалъ и, должно быть, остался доволенъ, такъ какъ сталъ скрести задними лапами и завилялъ хвостомъ, что означаетъ особое расположеніе. Я, конечно,

долженъ имъ былъ разсказать, откуда я и какимъ образомъ здѣсь очутился. Когда я разсказывалъ, какъ мнѣ жилось у княжны Лили, какъ меня тамъ баловали и какъ любили, то старый пудель заявилъ.

— Ну, врядъ ли тебѣ понравится здѣшнее житье: у насъ очень строго, и сильно бьютъ.

Каждое утро, накормивши, всѣхъ собакъ уводили; возвращались онѣ голодные и усталые, ложились спать, и вечеромъ опять уходили до поздней ночи. Прошло уже трое сутокъ, какъ я былъ тамъ; большую часть дня я проводилъ одинъ; сидѣлъ на окнѣ и глядѣлъ на улицу, пока не приходили мои товарищи. Гулять же меня выводили на цѣпи.

— Завтра начнутъ съ тобой заниматься, — заявилъ мнѣ однажды старый

Я, конечно, долженъ имъ
былъ разсказать, откуда я...

пудель:—я слышалъ, сегодня объ этомъ говорили въ циркѣ.

Я былъ радъ этому. Такъ много я наслышался хорошаго и дурного про этотъ циркъ, чтъ горѣлъ нетерпѣніемъ самъ увидать все. Но старый пудель съ грустью поглядѣлъ на меня и сказалъ:

— Напрасно ты радуешься, жизнь наша очень тяжелая: сколько побоевъ придется тебѣ вынести, и, если ты не сломаешь лапки во время ученья, то все же ты не гарантированъ, что каждый день можешь остаться калѣвкой, а тогда ты не будешь нуженъ болѣе; вотъ что ужасно.

На другой день всѣхъ накормили, а меня почему-то нѣтъ. Когда всѣ ушли съ нашимъ хозяиномъ, котораго звали Гарри, то меня позвалъ его братъ, Фредъ, и сказалъ:

— Ну, съ нынѣшняго дня начнемъ заниматься. Посмотримъ, такъ же ли ты ловокъ, какъ красивъ. Но какъ же тебя назвать, вѣдь, мы твоего имени не знаемъ, развѣ—Томми? у насъ такого еще не было.

Я завилялъ хвостомъ.

— Я вижу тебѣ тоже по сердцу это имя, пусть такъ и будетъ; съ нынѣшняго дня ты—Томми.

Взявъ меня за переднія лапки, онъ посадилъ меня на заднія и отпустилъ, но я сейчасъ же упалъ, онъ повторилъ свой пріемъ, но я никакъ не могъ усидѣть и все падалъ. Тогда онъ хлестнулъ меня больно по спинкѣ, и опять усадилъ, но уже прислонивъ къ стѣнѣ, тутъ мнѣ было легче удержаться, такъ какъ была опора, но все-таки я покачивался. Тогда я еще разъ отвѣдалъ хлыста, и такъ продолжалось долго;

много разъ погулялъ онъ по моей спинѣ. Я весь дрожалъ отъ боли и усталости, но Фредъ опять и опять меня усаживалъ. Когда, наконецъ, мнѣ удалось просидѣть нѣсколько минутъ, ровно и не качаясь, то онъ меня погладилъ и далъ кусочекъ хлѣба.

Отдохнувъ немного, онъ опять принялся за ученіе, то билъ меня, если мнѣ не удавалось, то кормилъ, если я удачно исполнялъ, что онъ отъ меня требовалъ. Когда вернулись наши, то я еле добрался до своего коврика и разбитый уснулъ.

Черезъ нѣсколько дней я уже самъ, по командѣ Фреда: «Гопъ», садился на заднія лапки и спокойно сидѣлъ, и даже немного умѣлъ прыгать на заднихъ лапкахъ. Научивши меня этому, онъ пошелъ дальше. Я долженъ былъ

прыгать через скамейку, забитую снизу, чтобы я не могъ пролѣзть.

А дѣлалось это такъ. Утромъ меня не кормили, потомъ приходилъ Фредъ, звалъ меня, ставилъ длинную скамейку, клалъ по ту сторону кусочекъ мяса и кричалъ: «Гопъ ла!». Сначала я ставилъ переднія лапки на скамейку и, стараясь на нее взобраться, поглядывалъ на мясо, но Фредъ этого не позволялъ. Отогнавъ меня подалеже отъ скамейки, онъ ударялъ меня хлыстомъ; отъ боли и испуга я бросался бѣжать и съ разбѣга перепрыгивалъ черезъ нее. Вотъ тутъ-то я и получалъ кусочекъ мяса, который сейчасъ же проглатывалъ, такъ какъ былъ очень голоденъ. Потомъ опять начиналось сначала все то же самое. Съ каждымъ разомъ я становился понятливѣе, и научился довольно скоро прыгать за кусочкомъ мяса. Но

этимъ не кончилось. Фредъ сталъ меня заставлять прыгать впередъ и назадъ, по нѣскольку разъ. Конечно, хлысть нерѣдко прохаживался по мнѣ, но, когда я довольно удачно справлялся съ этимъ упражненіемъ, то получалъ порцію мяса.

Такъ шли дни за днями, каждый день продолжались наши занятія. Иногда я, весь разбитый и усталый, плохо повиновался, охъ, тогда больно мнѣ доставалось: и голоднымъ я оставался, и все тѣло болѣло отъ побоевъ. Но зато я уже научился многимъ премудростямъ: умѣлъ ходить на заднихъ лапкахъ, прыгать черезъ палку, обручъ, веревку, танцовать вальсъ и даже ходить на переднихъ лапкахъ, умѣлъ пѣть подъ флейту, ѣздить въ коляскѣ. Когда я все это продѣлалъ передъ Гарри, онъ остался доволенъ и сказалъ:

— Теперь его нужно взять съ собой, учить работать на лошади!

И правда, на другой день Гарри взял меня въ циркъ. Когда я пришелъ туда, то мнѣ не понравилось: такъ темно и неуютно тамъ было. Сильно пахло конюшней, всюду стояли привязанныя лошади, кричалъ откуда-то пѣтухъ, ходилъ по коридору козель, въ большой клеткѣ сидѣла обезьяна и пренеприятно визжала. Меня Гарри повелъ дальше. Мы вошли въ какой-то кругъ, нѣсколько лампочекъ освѣщало его, но сейчасъ же за кругомъ было опять темно, какъ будто стояла глубокая ночь.

Привели бѣлую лошадь съ плоскимъ сѣдломъ и посадили меня на него. Я боязливо жался, ибо никогда не видѣлъ такъ близко лошади, но она, не обращая на меня никакого вниманія, тихо шагала. Сѣдло было довольно

Томми—король воздуха.

большое, но при каждомъ шагѣ оно слегка покачивалось, и я еле держался на немъ; какъ только лошадь пошла быстрѣй, я слетѣлъ; меня опять усаживали, били хлыстомъ. И такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока я не выучился спокойно и смѣло сидѣть и даже стоять на заднихъ лапкахъ.

Прошло довольно много времени, ученье шло своимъ чередомъ, я уже свободно прыгалъ на сѣдлѣ, черезъ обручъ, обтянутый бѣлой бумагой, взбирался на трапецію по лѣстницѣ, спущенной сверху, умѣлъ, одѣтый въ цвѣтную юбочку и красивую шляпу, танцовать и ѣздить, разсѣвшись важно, въ колясочкѣ, гдѣ на облучкѣ сидѣла кучеромъ обезьянка. Теперь мнѣ уже меньше доставалось, такъ какъ я привыкъ и съ перваго слова исполнять то, что отъ меня требовали.

Я уже годъ работалъ въ циркѣ, все шло благополучно, и я даже полюбилъ свое дѣло. Такъ пріятно, бывало, когда музыка играетъ, все такъ блеститъ; свѣтло и весело. Особенно мнѣ нравилось, когда насъ вызывали и кричали:

— «Томми, bravo! Томми, бисъ!» Какъ пріятно было выбѣгать на арену и лаять.

Гарри былъ доволенъ мною и часто во время представленія давалъ мнѣ шоколадъ, который я очень любилъ. Но, несмотря на то, что мнѣ теперь довольно хорошо жилось, я все же часто вспоминалъ мою прошлую жизнь у княжны Лили, и не разъ мнѣ ночью снилось, что я опять дома съ мамой и Жужу, и что Лили меня ласкаетъ. Одинъ разъ, во время представленія, мнѣ показалось, что Лили сидитъ въ ложѣ. Я старался какъ можно лучше работать,

и все смотрѣлъ на Лили, а когда выбѣжалъ на вызовы, то бросился прямо къ той ложѣ, гдѣ она сидѣла и, громко залааявъ, сталъ на заднія лапки. Но она не узнала меня. Я долго не могъ заснуть въ эту ночь и все думалъ о своихъ.

Прошелъ еще годъ. Много мы за это время ѣздили, во многихъ городахъ побывали, и всюду имѣли большой успѣхъ. На эту зиму мы опять вернулись въ нашъ родной городъ. Готовили новую программу. Я долженъ былъ по лѣстницѣ взбираться на трапецію, которая висѣла подъ самымъ куполомъ цирка. Поднявшись наверхъ и продѣлавъ нѣсколько старыхъ номеровъ, я долженъ былъ исполнить новый трудный номеръ; а именно: взобравшись на качели и стоя на заднихъ лапкахъ, раскачиваясь сначала тихо, по-

томъ все быстрѣй и быстрѣй, я долженъ былъ, когда качели были въ полномъ ходу, перелетѣть большое пространство и попасть на другую сторону, гдѣ были такія же качели; затѣмъ, снова раскачавшись, перелетѣть обратно. Этотъ номеръ мы разучивали цѣлый годъ, и теперь я долженъ былъ предстать передъ публикой. На афишахъ было сказано, что Томми, король воздуха, совершить адскій полетъ. Я хотя и волновался, но удачно совершилъ свои полеты, за что былъ награжденъ громкими рукоплесканіями публики и шоколадомъ отъ Гарри.

Къ концу зимы я, должно быть, простудился. Съ утра меня знобило, и чувствовалась тяжесть во всемъ тѣлѣ. Когда мы пришли на репетицію, гдѣ мы опять готовили новый номеръ, то я такъ неудачно справлялся со всѣмъ, что

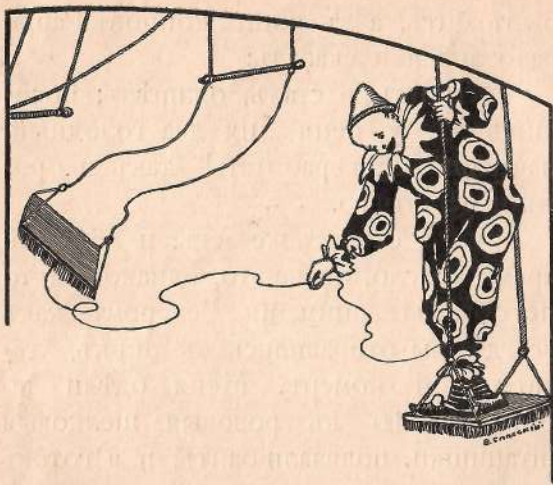
былъ битъ, а въ концѣ концовъ Гарри разозлился и сказалъ:

— Лѣнниться сталь, ожирѣлъ; посидишь ты у меня дня два голодный, начнешь тогда работать!—такъ и бросили репетицію.

Дома я сейчасъ же легъ, и меня все время трясло, но на это, однако, никто не обратилъ вниманія. Вечеромъ, какъ всегда, мы отправились въ циркъ, дѣлать свой номеръ. Меня одѣли по обыкновенію въ розовыя шелковыя штанишки, повязали бантъ, и я готовъ былъ къ выходу.

Музыка заиграла маршъ, и я выбѣжалъ на арену. Увидя публику, а главное, слыша вездѣ свое имя: «Томми Томми,» я забылъ, что я боленъ и весело залаялъ. Все шло благополучно; я живо забрался на верхнюю площадку. Гарри уже кричалъ: «Алло», и качели

стали сначала плавно, затѣмъ все быстрѣй и быстрѣй раскачиваться, музыка перестала играть, что всегда бываетъ при

трудномъ и опасномъ мѣстѣ, и я, раскачавшись, перелетѣлъ на ту сторону. Хотя я и успѣлъ прыгнуть на предназначенную мнѣ дощечку, но чувствовалъ, что больше не могу работать, у меня все кружилось передъ глазами, и меня трясло, какъ въ лихорадкѣ. Я сидѣлъ, крѣпко вцѣпившись въ край доски; качели высоко поднимались, но я все сидѣлъ. Гарри уже не разъ кричалъ: «Алло,» но я не двигался. Тогда Гарри такъ грозно мнѣ крикнулъ и взмахнулъ хлыстомъ, что я испугался, зажмурилъ глаза, бросился впередъ — и полетѣлъ съ трапеціи внизъ...

чнулся я въ лѣчебницѣ для животныхъ, обѣ лапки были забинтованы, и я не могъ пошевелиться. Тяжелое время переживалъ я. Цѣлыми днями я лежалъ одинъ, только докторъ подходилъ для перевязки, и два раза въ день меня кормили. Но еще тоскливѣе было по ночамъ, во-первыхъ, я не могъ спать отъ боли, а во-вторыхъ, у меня вертѣлась одна мысль, что-то теперь со

мною будетъ, куда я теперь годенъ? Я съ болью въ сердцѣ вспоминалъ слова стараго пуделя; какъ онъ былъ правъ!

Держали меня въ лѣчебницѣ долго, и, когда Фредъ за мной пришелъ и взялъ домой, я былъ такъ радъ, прыгалъ и лизалъ ему руки. Черезъ нѣсколько времени меня взяли въ циркъ, я радостно всѣхъ обнюхивалъ, бѣгалъ и лаялъ, но какъ только меня позвали на арену, то я затрясся весь и забился въ уголъ. Два три удара хлыста меня выгнали, и я очутился опять на аренѣ. Когда началась репетиція, и я сталъ продѣлывать свои номера, то почувствовалъ, что лапки меня не держатъ и подгибаются; но я старался и напрягалъ всѣ силы, ничего, однако, не вышло.

— А, вѣдь, Томми кончился для цирка,—заявилъ наѣздникъ, обращаясь

къ Гарри: — а жаль, чудный номеръ былъ.

Гарри стоялъ хмурый и кусалъ губы, подозвавъ меня, онъ долго ощупывалъ мои лапки, ставилъ меня на столъ и заставлялъ ходить на переднихъ и заднихъ лапкахъ, но я не могъ долго стоять: колънки у меня подгибались.

— Ну, братъ, твое дѣло плохо,—сказалъ Гарри, и я видѣлъ, какъ у него скатилась слеза. Грустные, мы вернулись домой. Гарри былъ разстроенъ и совѣтовался съ Фредомъ.

— Вотъ несчастье-то, что теперь дѣлать? вѣдь, это былъ нашъ лучший номеръ; не скоро приготовишь другую собаку, да и не найдешь такъ скоро такую способную.

Я же лежалъ на своемъ мѣстѣ, и мнѣ казалось, что я виноватъ чѣмъ-то передъ Гарри. Грустное время настало для ме-

ня, я оставался одинъ дома, лежалъ въ своемъ углу и страдалъ; тосковалъ о циркѣ, вспоминалъ, какъ меня всѣ любили, а теперь никто не подойдетъ даже погладить меня. Цѣлыя ночи напролетъ думалъ я о своемъ положеніи, о Жужу, какъ она должна быть счастлива; думалъ о Лили: навѣрное, она пришла бы за мной и взяла бы меня, если бъ знала, какъ я несчастливъ. Когда возвращались мои товарищи, они мнѣ рассказывали о своихъ успѣхахъ, а я страдалъ, зная, что для меня все кончилось. Настала весна. Гарри собирался ѣхать со всѣми въ другой городъ и говорилъ Фреду:

— Что же намъ съ Томми дѣлать? не возить же намъ его зря? и такъ большіе расходы, а бросить тоже жаль, надо бы его куда-нибудь пристроить. Черезъ нѣсколько дней пришелъ

какой-то старикъ съ сыномъ, сказавъ, что желаетъ меня купить. Гарри требовалъ пятнадцать рублей, но старикъ давалъ только пять. Долго они спорили, а я слушалъ безучастно, мнѣ было все равно, для меня все уже было кончено. Сторговавшись съ Гарри, старикъ одѣлъ мнѣ ошейникъ и повелъ съ собою. Грустный я простился съ товарищами. Гарри и Фредъ тоже стояли опечаленные.

Пришли мы въ грязный дворъ, спустились въ подвалъ, по темной лѣстницѣ, и очутились въ длинной низкой комнатѣ. Какъ здѣсь все было бѣдно и грязно! даже не было коврика, гдѣ мнѣ улечься. Мальчикъ былъ со мной ласковъ и далъ мнѣ корку хлѣба, послѣ чего толкнулъ меня подъ кровать, гдѣ я и улечься спать.

Рано утромъ мы втроемъ вышли на

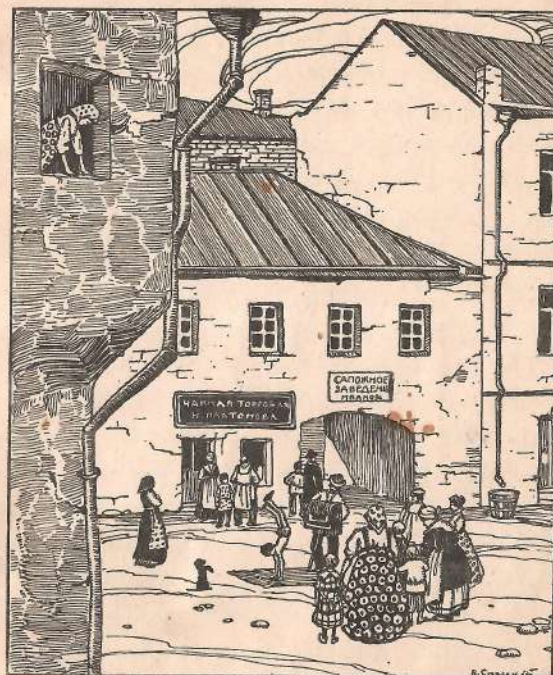
улицу, старикъ съ шарманкой, мальчикъ въ грязномъ трико и накинутаго на плечи пальто, подъ мышкой онъ держалъ сверну-

тый коверъ, я же шелъ привязанный. Ходили по дворамъ, старикъ вертѣлъ шарманку, а мальчикъ, разостлавши коврикъ, ходилъ на рукахъ и продѣлывалъ разные фокусы. Я же долженъ былъ взять въ зубы большую шляпу, сидѣть на заднихъ лапкахъ и, по окончаніи представленія, съ мальчикомъ обходить собравшуюся публику, и мнѣ бросали въ шляпу деньги. Иногда меня заставляли прыгать черезъ обручъ, но это мнѣ уже не всегда удавалось, и за это я получалъ пинокъ ногой отъ старика.

Такую жалкую жизнь мы провели все лѣто: и въ жаръ и въ дождь мы ходили по дворамъ. Я похудѣлъ и порой еле плелся отъ усталости; ноги болѣли, и я все спотыкался. Кормили меня впроголодь. Иногда кто-нибудь изъ смотрѣвшихъ въ окно бросалъ мнѣ

*Старикъ вертѣлъ шарманку,
а мальчикъ ходилъ на рукахъ.*

хлѣбъ или косточку, тѣмъ и кончался мой обѣдъ, а вечеромъ мнѣ кидали кусокъ черстватаго хлѣба. Я совсѣмъ палъ духомъ и желалъ скорѣй умереть, чтобы прекратить такую жизнь. Такъ подошла осень.

Стоялъ ясный теплый день. Мы по обыкновенію ходили со двора во дворъ, часто насъ гоняли, но иногда пропускали и смѣялись, смотря на наше представленіе. Уже къ вечеру мы подошли къ большому красивому дому. Старикъ заглянулъ во дворъ и, не увидя нашего врага, дворника, быстро вошелъ туда, мальчикъ разложилъ свой коврикъ, и мы начали представленіе. Сейчасъ же собралось нѣсколько человѣкъ прислуги, которые съ любопытствомъ глядѣли на насъ. Но тутъ со мной случилось что-то странное, что-то мнѣ показалось знакомымъ и роднымъ. Я сталъ приглядываться къ дому и двору, на меня повѣяло чѣмъ-то дорогимъ, у меня силь-

но забилось сердечко, и я, затаивъ дыханіе, сталъ внимательнѣе все оглядывать.

Въ это время въѣхала во дворъ коляска, и прислуга бросилась въ домъ. Изъ коляски вышла барышня, и у меня кровь остановилась въ жилахъ, предомной стояла княжна Лили, милая дорогая Лили! За ней изъ коляски выпрыгнула моя сестричка Жужу. Въ первую минуту я не зналъ, что мнѣ дѣлать, но потомъ я бросился къ ней, сталъ на заднія лапки и залаялъ. Она поглядѣла на меня.

— Бѣдный песикъ, какой худой, должно быть, часто голодаешь, — сказала она и, подавъ гривенникъ мальчику, вошла на лѣстницу.

Боже, опять не узнала! что мнѣ дѣлать? если теперь я не буду узнавъ, то все кончено! Я бросился за ней по лѣстницѣ, схватилъ ее за юбку; она въ испугѣ остановилась, я же,

залаявъ, сталъ прыгать на заднихъ лапкахъ и не пускалъ ее въ дверь.

— Что за странный пудель! — сказала она: — онъ будто о чемъ-то просить!

Но тутъ Жужу, узнавъ меня, тоже залаяла и стала прыгать вокругъ княжны. Изъ параднаго вышла дама, въ которой я сейчасъ же узналъ княгиню, маму Лили.

— Что тутъ такое? Что за лай?

Но, увидя меня и Жужу, прыгавшихъ вокругъ Лили, сказала:

— Лили, да вѣдь это нашъ Боби!

Ахъ, что тутъ со мной сдѣлалось!.. Я узнавъ, я опять слышалъ свое настоящее имя! Я бросился къ княгинѣ, сталъ прыгать, стараясь лизнуть ей руки, которыя она со смѣхомъ подняла.

— Ахъ, шатад, конечно, это нашъ Боби, я уже сама думала это; теперь я его не отдамъ; сколько разъ я плакала, когда узнала, что Боби пропалъ; я такъ жалѣла, что его отдала

Недѣ; теперь я не разстанусь съ нимъ!

— Ну, конечно, оставимъ его! Но только какъ же быть: вѣдь, его ждутъ, у него теперь другой хозяинъ...

— Матап, купи его! Ты обѣщала мнѣ подарить къ рожденью, что я хочу,—такъ подари мнѣ Боби, прошу тебя!

Княгиня подозвала шарманщика и спросила, не продастъ ли онъ меня.

— Отчего же... продамъ; онъ мнѣ такъ дорого обошелся, а пользы мало отъ него: у него ноги больныя. Что жъ, возьмите; я за него заплатилъ пятнадцать рублей.

Княгиня, подумавъ, сказала, что это дорого; но Лили уже цѣловала свою матап и просила:

— Купи, милая матап, купи, возьми мои деньги изъ копилки! Но я не разстанусь теперь съ Боби! Бѣдный, какой онъ худой!

Княгиня предложила десять рублей,

но шарманщикъ настаивалъ на своемъ:

— Какъ же я могу его дешевле отдать, — я самъ столько же заплатилъ; вѣдь, это не простой пудель, а знаменитый Томми, король воздуха.

— Какъ!—вскричала Лили,—Томми, котораго я видѣла столько разъ въ циркѣ!.. Это былъ нашъ Боби, а я не узнала его! Но отчего же онъ болѣе не тамъ?

Шарманщикъ рассказалъ, что я свалился съ трапеціи, и не могу больше работать, оттого меня и продали. Княгиня взглянула на меня, молча подала ему пятнадцать рублей, сказавъ:

— Ну, пора обѣдать. Пойдемте!

И мы всѣ радостные отправились въ домъ. Когда мы вошли въ переднюю, все было по-старому, и мнѣ захотѣлось увидѣть нашу темную комнатку, гдѣ мы спали. Я бросился бѣжать по коридору, сразу нашелъ ее и забрался на

постельку. За мной уже бѣжали Лили и ея старая няня.

— Вотъ еще доказательство, что это нашъ Боби; смотрите, онъ сразу нашель свое прежнее мѣсто!

Итакъ, я снова дома. Вся моя про-
шлая жизнь кажется мнѣ сномъ.

По вечерамъ мы съ Жужу лежимъ на нашей кроваткѣ; я рассказываю ей все, что я перестрадалъ и что я вы-
несъ, и Жужу слушаетъ меня съ пол-
ными слезъ глазами. А тамъ прибѣжить за нами Лили, и всѣ втроемъ мы отправля-
емся играть въ большой свѣтлый залъ.

Я счастливъ, и понемногу забываю
все то, что я выстрадалъ.

Пудель Боби-Томми.

ЧУЖОЕ ДОБРО.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

И. Вучетичъ.

Рисунки и обложка В. В. Спасскаго.
Цѣна 30 коп., въ папкѣ—40 коп.

ДВА ВОЛШЕБНИКА.

ФОКУСЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО И СРЕДНЯГО ВОЗРАСТОВЪ.

І. Любичъ-Кошуровъ.

Въ двухъ частяхъ.
Рисунки въ два тона и обложка В. В. Спасскаго.
Цѣна 60 коп., въ папкѣ—80 коп.

ВОЛЧЕКЪ ДОНОСЧИКЪ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Графъ Е. Салиасъ.

Рисунки М. Нестерова и Р. Шнейдеръ.
Обложка Р. Шнейдеръ.
Цѣна 30 коп., въ папкѣ—40 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. книга допущена въ учен. библ. низш. учебн. зав., въ
безпл. нар. читал. и библ. и для публ. народ. чтен. и, по усмотр. педаг. совѣт., въ
учен. библ. средн. учебн. завед.
Книга одобрена по Учрежд. Импер. Маріи для учен. библ. младш. и средн. возр.

ГОЛУБАЯ ПТИЦА.

ПО МЕТЕРЛИНКУ, ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Рисунки въ два тона и обложка В. В. Спасскаго.
Цѣна 40 коп., въ папкѣ—60 коп.

Учен. Ком. Мин. Нар. Прогр. книга допущена въ учен. библ. низш. учебн. завед.
(для городскихъ училищъ).

ДЕТСКІЯ КНИГИ:

ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОЙ ПТИЧКИ.

РАЗСКАЗЪ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ.

Обложка и рисунки въ два тона В. В. Спасснаго
Цѣна 50 коп., въ папкѣ—70 коп.

Ев. Шведеръ.

Э.с.

ВЕСНА.

РАЗСКАЗЫ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ.

Рисунки въ двѣ краски и обложка В. В. Спасснаго.
Цѣна 30 коп., въ папкѣ—40 коп.

Ев. Шведеръ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Что дѣлается весной въ лѣсу.—Волкъ Горемыка.—Лягушка Квакушка.—Весна идетъ.—Первая бабочка.—Скромный цвѣтокъ.—Ручей.—Горе сиворчиковъ.—Первые пчелки.—Сказочка о шукѣ Зубастой.

Цѣна 30 коп.,
въ папкѣ 40 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕЧАТНИКЪ МОСКВА

